

ГРИГОРИЙ СОВЧЕНКО

— Я написал «сценарий» «Бесприданницы» этим летом, текст Островского будет, но не весь. Там есть вещи, которые не нужны для хода моей истории. А мне хочется рассказать именно эту историю, не другую.

— **Историю про русское?**

— Не про русское, а про острое. Про русское и острое. *(Улыбается.)*

— **Еще один ваш проект — спектакли для детей. В прошлом году это был «Евгений Онегина», в нынешнем — «Мертвые души». Как возникла сама идея? Многие режиссеры вообще не хотят ставить детские спектакли.**

— Знаете, дети любят разбирать игрушки, смотреть на винтики. Вот это, собственно, то, что я люблю делать с театром. Смотреть сцену, а потом смотреть, из чего она получилась. А что если поставить винтики по-другому, будет такой же смысл? Буратино будет так же ручку поднимать? Или он станет думать, что поднимает ручку, а подниматься будет ножка? Я не просто рассказываю детям сказки, я провожу их за кулисы. Помню, когда я к папе (отец Дмитрия Крымова — Анатолий Эфрос. — “Ъ”) приходил за кулисы, впечатление от этого было не меньше, чем от самого спектакля. Пошивочный цех, сундуки с реквизитом, какие-то кинжалы, камни драгоценные. Мне хочется вести с детьми разговор. Хочется, чтобы этот разговор был доверительный, чтобы он был правдой. Ох, как это глупо звучит, Станиславский тоже хотел правды на сцене.

— **Что отличает юного зрителя?**

— Иногда приходят удивительные дети. Долго и умно отвечают на вопросы, заданные им со сцены. Их спрашивают — они отвечают. Один мальчик, когда в спектакле убили Пушкина (артист лежал в крови на сцене, и надо было взять у него конфетку и выйти из зала), подошел и сказал шепотом: «Не бойся, я тебя похороню»...

— **Ваши спектакли — это ваши актеры. Ни на кого не похожие, удивительные. Как вы собираете команду? Что вам важно в людях?**

— Это все равно что спросить у садовника: что вам важно в дереве? В яблоне — хорошо бы, чтоб она яблоки давала. В тополе — чтобы пух летом летал. В пальме — бананы. Мне важна разность. И чтобы ни одно дерево не было засохшим, чтобы оно хотело отдавать свои плоды именно мне, а не соседу.

— **Вы ревнивый режиссер? Можете отпустить артиста, например, в кино?**

— В кино — да, здесь не имеет смысла быть ревнивым, потому что против лома нет приема. Это деньги. А вот в другой театр,

к другому режиссеру я не отпускаю. Категорически. Разве мхатовские актеры играли где-то? Они что, в Малый театр ходили играть? К Таирову? Немирович их щучил за каждый левый концерт, причем в жесткой форме — он был такой, знаете, прапорщик.

— **Но вы же не Немирович.**

— Я не Немирович, но я против. *(Смеется.)* Если актриса, допустим, лицо Chanel — как она будет другие духи представлять? Так не бывает.

— **Дмитрий Анатольевич, случались времена, когда вы были разочарованы или недовольны собой?**

— Сейчас.

— **Почему? После такого успеха в Америке?**

— Может, именно поэтому. Говорить всем, почему я недоволен собой, — это слишком личное. Каждый нормальный человек, художник должен быть недоволен собой. Я

сейчас Станиславского читаю. Он был психологически недоволен собой. А Качалов, например, устраивал капустники, радовался жизни. Я завидую этому умению. Но больше уважаю Станиславского, потому что он — мыслитель, он двигал искусство, как двигают танк. И жил во мраке и сомнениях. Я это говорю не в том смысле, что я тоже такой. Хотя, к сожалению, такой. Но я бы поменялся не глядя, если бы мне кто предложил стать «Качаловым». Просто тут же! Я хочу быть радостным.

— **На ваш взгляд, какую роль театр играет в нашем обществе?**

— Я не знаю... художник всегда против чего-то, иначе как? Часто и против власти, а там уж как получится.

— **Как вы относитесь к тому, что происходит у нас в культурной политике?**

— Погода сегодня хорошая какая...

— **Так, о политике не будем. О чем вам всегда интересно размышлять и ставить?**

— О человеке. Что есть драматическое искусство: ужас, смех и сострадание. Смех, потому что есть люди. Ужас, потому что есть боги. Смешные люди находятся под богами и не знают своей судьбы. Поэтому они вызывают сострадание. В театре мы можем смотреть на них со стороны, в жизни же мы все — участники.

— **Можно очень общий вопрос? Зачем вам нужен театр?**

— Это единственное место, где я чувствую себя в своей тарелке.

— **Грустно.**

— Почему грустно? Я нахожусь здесь все те же смех, ужас, сострадание. Это хорошо.

— **В одном из интервью вы сказали, что определение вашего режиссерского стиля как «театра художника» вам не очень нравится...**

— Я не уверен, что эта формулировка до сих пор в ходу.

— **Только она и в ходу.**

— Наверное, критиком так легче, разложить по полочкам. Но если вы о том, что «театр художника» — новаторство имени меня, то я так не думаю.

— **Неожиданность по-прежнему ваш главный принцип?**

— Второй. Первый — достать вас до пещенки. Самым неожиданным способом — иначе не достанешь. Неожиданность — одна из основ восприятия современного человека, это просто железобетонный принцип. Нас к ней приучили интернет, телефоны, кино, мы все неосознанно ждем удивления. Спокойный спектакль — это для бабушек. *(Смеется.)*

— **Может быть, еще что-то, третий принцип?**

— Вы должны быть счастливы, выйдя со спектакля.

— **Что должно случиться, чтобы вы вдруг поняли: надо уходить из профессии? Я спрашиваю, потому что однажды вы профессию уже бросали — были художником, стали режиссером.**

— Для того чтобы все бросить, мне должно стать очень скучно. Когда наступает это состояние, то не жалко вообще ничего. Бежишь сломя голову, только не знаешь куда.

— **Вы скучаете по той, прежней своей жизни? Берете в руки кисточку?**

— Этим летом взял, подумал: а не начать ли опять? Прежде таких чувств не было. Что-то я даже испытал. Ну да картина нужно посвящать время, как театру. Одну картину написать — это ничто. Должен быть процесс. Но я точно почувствовал, что под коркой моего забытья — тепло. Когда вулкан затягивается, к нему ведь можно подойти и почувствовать: внутри горячо.

— **Дмитрий Анатольевич, не хочу перечислять ваши многочисленные награды, скажите только: они для вас важны? Часто мэтры кокетливо отмахиваются от собственных заслуг.**

— Нет, мне мои награды важны! Конечно! *(Смеется.)*

— **И куда вы очередную «Золотую маску» дели?**

— Я сейчас в ней. *(Смеется.)*

БЕСЕДОВАЛА НАТАЛЬЯ ВИТВИЦКАЯ